

Сон-трава.

Приворотный корень

Народные названия растений

В народе бытует множество самых разнообразных и неожиданных по своей меткости и поэтичности названий цветов. Вспомните хотя бы мать-и-мачеху, незабудку, иван-да-марью, подснежник. Многие из этих на-

два успеваает сойти след, как в светлых сосновых лесах появляются крупные лиловые колокольчики на невысоком стебле, спущенные нежным серебристым пухом: «Сквозь снег, кустиками, ростом в пядень, цвет синь», — сказано в одном старинном травнике. Каждый из нас хорошо знает этот цветок — один из самых ранних вестников весны. Но признайтесь: так ли хорошо известно вам его название и не приходилось ли вам испытывать затруднений, когда нужно было

вспомнить имя этого скромного весеннего цветка? Во всяком случае, русская классическая литература знает пример, когда писателю в подобной ситуации пришлось довольствоваться названием «собственного изобретения».

Тонкий и проникновенный русский лирик А. К. Толстой так описывает наступление весны:

Вот уж снег последний в поле тает,
Теплый пар восходит от земли,
И кувшинчик синий расцветает,
И зовут друг друга журавли.

Вот уж снег последний в поле тает...

Внимательный читатель заинтересуется, какой же «синий кувшинчик» имеет в виду поэт? Ведь кувшинчиками и кувшинками мы привыкли называть водяные растения с желтыми (иногда белыми) цветами. Но время появления кувшинчика совпадает с временем цветения *Pulsatilla patens* Mill, то есть *Anemone patens* Z.—

званий со временем стали достоянием русского литературного языка. В предлагаемых заметках говорится о двух хорошо известных цветущих растениях. Литературные названия их малоизвестны, а названия, которые мы находим в справочниках и ботанических определителях, заимствованы из диалектов. Общим для «лингвистической судьбы» этих названий является то, что они пришли в ботаническую номенклатуру из языка русских крестьян.

того самого растения из семейства лютиковых, которому посвящена наша заметка. То, что речь идет действительно об этом растении, подтверждается другими строками того же поэта:

С какую радостью чистой
Я вновь встречал в бору сыром
Кувшинчик синий и пушистый
С его мохнатым стебельком...

Во дни минувшие бывало...

Поэт так точно описал в этих строках свой кувшинчик, что мы уже без труда узнаем здесь своего старого знакомого.

В народе бытует немало названий этого цветка, самые распространенные из которых *сон-трава* и *прострел* стали систематическими названиями *Pulsatilla patens* и прочно закрепились в научной ботанической номенклатуре.

Так, в Тамбовской губернии растение это называли *подснежником*. Причины появления подобного названия понять не трудно: как справедливо замечает В. И. Даль, «подснежниками называются вообще все те растения, которые появляются вскоре по стаянии снега». Другое название *Pulsatilla*, известное в Казанской губернии, связано с особенностями мест его произрастания: цветок этот, как правило, растет в сосновых лесах, а потому и называли его *сосновка*. По-видимому, сходством в строении цветка объясняется другое казанское название *Pulsatilla* — *лютик*. Наконец, в той же Казанской губернии бытовало наименование *разлапушник*, связанное, по всей вероятности, с особенностями формы листьев. Срок цветения пушистых лиловых колокольчиков *Pulsatilla* довольно краток, и потому, очевидно, жители Казанской, Тверской и Калужской губерний называли этот цветок *одномесичником*.

Некоторые из народных наименований *Pulsatilla patens* Mill, *Anemone patens* Z. кажутся несколько неожиданными, и причины их появления, их мотивированность уже не так очевидны. Это

нижегородское *огурешник*, вологодское *боровой одоленъ*, курское *самсонники*, воронежское *самсончики* и *сazonчики*, а также известное в Приаргунском крае название *овечья трава*.

Два народных наименования стали общепринятыми ботаническими терминами. Территория распространения же этих названий не совпадает: если наименование *прострел* известно в основном в северных районах России, то *сон-трава* наибольшее распространение получило в южнорусских областях.

Название *прострел* известно в Архангельской области, оно бытовало в Вологодской, Олонецкой, Вятской губерниях. В Кемском уезде Архангельской губернии это растение называли *прострел-трава* — так же, как и в Мосальском уезде Калужской губернии, где существовало поверье, что *Pulsatilla* является залогом счастливой жизни в новом доме, а поэтому старые травники советовали: «Если будешь ставить дом, положи в бревно: хорошо жить будешь». В Кировской области растение *Anemone patens* Z. называют *прострельной травой*, а в Пермской губернии в конце прошлого века бытовало название *прострельник*. В Вологодской губернии употреблялось наименование *стрельная трава*, как и в Вятской губернии.

Происхождение всех этих названий объяснить затруднительно. Возможно, что в основе их лежат целебные свойства этого растения, применявшегося при лечении различных заболеваний. Напомним, что в народе прострелом называют разные болезни, такие, как паралич, радикулит, эпилепсия и т. д. Может быть, объяснение следует искать в каких-либо охотничьих поверьях. Так, вологодский ботаник Н. А. Иваницкий в конце прошлого века указывал, что «стрельную траву охотники пропускают... в свои ружья». Наименование *прострел* отмечено и в некоторых южных областях, например на Дону (А. В. Миртов, 1929). Но показательно, что Гоголь, записавший это название, объясняет значение слова с помощью более близкого ему южного наименования — *сон-трава*. Добавим, что название *прострел* было в употреблении также в Иркутской губернии и в Якутии.

Описывая наступление первых весенних дней в полных дикой прелести лесах Полесья, Куприн ведет читателя вслед за прекрасной полесской «ведьмакой» Олесей по едва высохшей от снега дороге, покрытой пожухлой прошлогодней листвой, сквозь которую кое-где «подымали свои лиловые головки крупные колокольчики „сна“ — первого цветка Полесья». *Сном* этот цветок называют на Украине. То же название дали ему жители Брянской области, оттого, что крупные колокольцы сна обычно опускают головки, «словно спят». В Курской губернии бытовало название *сон-трава*, которое было известно, по свидетельству Н. Анненкова, и в Малороссии. Даль приводит еще наименование *сон-дрема*, не снабдив

его никакими локальными пометами, но в 1946 году название, указанное Далем, было записано на территории Калининской области (Осташковский район). В Воронежской области растение *Pulsatilla* называли *сонником* или *сончиком*.

Трудно сказать с полной определенностью, почему в народе это растение связывают с понятием «сон»: быть может, это объясняется тем, что в некоторых местностях (например, в Тобольской губернии) крестьяне пили отвар сон-травы от бессонницы. Вообще, народная медицина приписывает прострелу или сон-траве необычно сильное лечебное действие. В Пермской губернии его применяли при лечении сыпи, а также патирали соком растения онемевшие суставы. Недалеко от Вологды, в окрестностях города Никольска, настоем *Pulsatilla* поили рожениц, в Вятской и других губерниях употребляли от ломоты в суставах, от ревматизма.

С этим растением связано немало народных легенд. Как утверждает Н. Анненков, «во многих местах России существует поверье, что богородица прокляла это растение» (Простонародные названия русских растений Москвы. М., 1858). Видимо, легенды эти обязаны своим появлением тому обстоятельству, что растение *Pulsatilla* охотно использовалось знахарями и ворожеями, лечившими крестьян с его помощью от различных недугов.

Названия *сон*, *сон-трава*, *прострел*, ставшие ботаническими терминами, проникли также в русскую художественную литературу и публицистику. Так, *прострел* мы находим в дневниках известного русского путешественника Г. Потанина: «Мягкие горные скаты, обращенные на север, были покрыты альпийским дерном, в котором цвели прострелы...».

Но наибольшее распространение в русской художественной литературе получило наименование *сон*. Этому способствовала, по всей вероятности, особая поэтичность этого названия, подмеченная еще Куприным: «На насыпи синели крупные простые цветы, посящие поэтическое название „сна“ (Черный туман). Наверное, грубоватое название *прострел* едва ли было бы уместно в следующем отрывке из «Повести о лесах» Паустовского: «Вдруг Анфиса... нагнулась к земле. „Иди сюда! — крикнула она Коле. — Что за прелесть!.. Лиловый сон!“ Меж ее ладоней цвели на земле покрытые густым серебряным пухом колокольчики лилового сна».

Тем не менее, название это не слишком прижилось в повседневном быту. И причиной тому является, очевидно, все та же яркая образность, свойственная наименованию *сон-трава* и плохо совмещающаяся с природой термина. У С. Аксакова читаем: «Все скаты гор покрываются подснежными тюльпанами, называемыми сон» (Детские годы Багрова внука). Его «подснежные тюльпаны», пожалуй, сродни «синему кувшинчику» А. К. Толстого.

егодня цветочный праздник, и у меня на столе стоит великолепный букет ночных фиалок и распространяет аромат по всей комнате. Я не знаю, знаете ли вы этот цветок, мой милый друг. Это белый цветок на высоком стебле с чудесным ароматом. Я не знаю его ботанического имени, но популярное его название есть ночная фиалка.

Так писала в мае 1892 года Надежда Филаретовна фон Мекк в одном из своих писем Петру Ильичу Чайковскому.

Куприн назвал именем этого лесного цветка, похожего на миниатюрную орхидею, один из своих рассказов — «Ночная фиалка». Герой рассказа, саратовский землемер Максим Ильич Трапезников, замечает, что по какой-то удивительной случайности «кажется, никто не знает его народного названия или очень быстро его забывает, а наименование цветка „ночная фиалка“ выдуманно грамотеями». «Есть в средней России,— пишет Куприн,— такой удивительный цветок, который цветет только по ночам в сырых болотистых местах и отличается прелестным кадильным ароматом... Он вовсе не родня скромной фиалке. Ночной фиалкой его называли безвкусные дачницы и интеллигентные гости».

Действительно, цветок, о котором идет речь, не имеет решительно никакого отношения к растениям из рода *Viola* (фиалковых) и принадлежит к совершенно другому семейству. Тем не менее, название *ночная фиалка* получило такое широкое распространение в повседневном обиходе, что его не могли игнорировать даже словари современного русского литературного языка (академический Словарь русского литературного языка в 17 томах).

В современных ботанических определителях растение *Platanthera bifolia* (= *Orchis bifolia*), принадлежащее к семейству орхидных и по ошибке называемое ночной фиалкой, имеет название *любка двулистная*, пришедшее из народной ботанической номенклатуры, но по-прежнему остающееся для неспециалистов «второстепенным», малоизвестным названием. В русских диалектах, откуда ботаническая наука заимствовала термин *любка*, существует целый ряд названий, возникновение которых связано с теми или иными свойствами этого растения. Как отмечал в упоминавшемся рассказе Куприн, «крестьяне разных деревень дали ему несколько разнообразных и выразительных названий».

Легко понять, в силу каких ассоциаций получило такое широкое распространение название *ночная фиалка*: тонкий и спелый аромат, возникающий лишь в ночное время, роднит любку с растением из рода *Viola*. Сходное расположение соцветий, нежный запах и, наконец, очевидное сходство мест произрастания (сырые тенистые леса) стали причиной того, что, например, в Тверской губернии тот же цветок получил название *ландыш*. Заметим, кстати, что ассоциация с ландышами возникла в свое время и у Петра Ильича Чайковского. Композитор (как известно, страстно любивший нежные ландыши и посвятивший этим цветам одно из своих произведений) в письме из Каменки, адресованном Н. Ф. фон Мекк, так отвечал на ее вопрос относительно ночной фиалки: «Ночные фиалки мне очень известны. Они очень обильно растут на севере, в июне и в Московской губернии их очень много. Их аромат очень приятен, но несколько приторен. Зато они чрезвычайно красивы и, так как растут тотчас же после отцветания ландышей, то... я утешался ими, и их белый цвет отчасти даже напоминал мне несравненный весенний цветочек, об отцвете которого я очень сокрушался».

Нежный запах вызвал к жизни и другие народные названия этого цветка: *бальзамин дикий*, *ночные духи*. В Тверской губернии *любку* называли также *гвоздикой*, а в Смоленской и Калужской — *полевым жасмином*.

Но наиболее распространенные названия цветка *Orchis bifolia* составляют целую группу слов, образованных от корня *люб-*: *любка*, *любжа*, *любистик*, *любисток*, *люб-трава*, *любовный корень* и т. д. Почему же в народе отдается предпочтение именно этим наименованиям?

Обратимся вновь к рассказу Куприна. Цветок *Orchis bifolia*, как замечает писатель, «не употребляется у крестьян ни как целебное растение, ни как украшение на Троицын день или на свадьбу. Просто его не замечают и не любят. Говорят кое-где, что пахучий цветок этот имеет какую-то связь с конокрадами, колдунами и ведьмами...».

В середине прошлого века в Ельнинском уезде Смоленской губернии *Orchis bifolia* называли *любжей*. Слово *любжа* имело и другое значение 'любовь'. Так, в «Памятной книжке Смоленской губернии» на 1909 год находим выражение: «приворот на любжу (любовь) девицы». Вплоть до XX века смоляне называют *любжей* и самый 'заговор на любовь, приворот': «Ему любжа сделана». Слово *любжа* в значении 'любовь' известно также в Ярославской, Владимирской, Курской губерниях. Так, еще «Опыт великорусского областного словаря» 1852 года приводил пример употребления

слова *любжа* в указанном значении: «Они сошлись по любже» (Яросл., Курск.).

В современном курском диалекте *любжа* — ‘волшебное, приворотное зелье’: «Его приворожили любжей».

Заметим, что слово *любжа* в значении ‘любовное средство, приворотный корень’ было известно уже древнерусскому языку, как свидетельствует об этом текст «Златоструя» (XII в.): «Оустроить любжѣ и потворы (*amatoria*)».

Не случайно тот раздел «Беликорусских заклинаний» Л. Майкова, который содержит любовные заговоры, носит следующее название: «Заговоры приворотные, присушки и любжи».

Итак, связь народных наименований растения *Orchis bifolia* с понятиями «любить», «любовь» очевидна. Жители Казанской губернии называли этот цветок любовным корнем, на Дону он носил название *любидруг*, в Пермской губернии — *люб-трава*.

К этой же группе принадлежит и ставшее в наши дни систематическим название *любка*. Приведенное еще в 1844 году Ф. И. Буслаевым, это название было известно на юге России, в Курской губернии, а также в Ярославской и Калужской губерниях. Слово *любка* (как и *любжа*) в русских диалектах имело и другое значение ‘любовь’. Так, в наши дни в Красноярском крае *любкой* называют любимую, возлюбленную: «Ты моя любка!».

Остается ответить на вопрос: случайна ли эта связь между широко распространенным народным названием душистого лесного цветка и понятием «любовь»? Разумеется, не случайна. Дело в том, что деревенские ворожеи издавна приписывали корню любки, равно как и зелью, приготавливавшемуся из этого растения, свойство вызывать любовь. По свидетельству известного русского ботаника Н. И. Анненкова, в Калужской губернии, например, отвар корня *Orchis bifolia* пили по рюмке в день вместо любовного напитка. И, быть может, не одна деревенская девушка, не один тоскующий от неразделенной любви парень тайно спешили к старой ворожее, чтобы получить от нее волшебное зелье и, веря в его могущество, прошептать над ним слова колдовского заговора: «Пленитесь, ее мысли, день и ночь, и в глухую полночь, и в каждый час, и минуту обо мне вечно... И казался бы я ей милее отца и матери, милее всего рода и племени, милее красного солнца и милее всех частых звезд, милее травы, милее воды, милее соли, милее всех земных вещей... милее всего света вольного!».

...Когда в июне месяце вам случится купить букетик нежных и душистых лесных цветов, похожих на крохотные орхидеи, вспомните, что народ дал этому цветку поэтическое имя *любка*, *любжа* — любовь.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ